

Об одном фольклорном сюжете лесных ненцев

И.А. Карапетова

Важное значение для осмысления традиционного мировоззрения дает фольклор, являющийся и в настоящее время живым пластом современной культуры северных народов. В фольклорных сюжетах не только «излагается сакральная история, повествуется о событиях, произошедших в «достопамятные времена» (Элиаде, 2005:11), воспроизводятся культурные ценности и нравственные нормы, в традиционную канву повествования органично вплетаются и реалии нового времени, которым определяется место в существующей системе представлений. Традиционное «мировоззрение «сделано» так, что его не застанет врасплох никакое новшество: оно ему заведомо впору» (Сагалаев, 1991:20). Такая пластичность фольклора, его приспособленность к новым обстоятельствам свидетельствует о живой традиции. Все выше сказанное относится и к фольклору лесных ненцев, небольшой группе ненецкой народности, численность которых не превышает 2000 человек (Волжанина, 2007:147). Они населяют подзону северной тайги – периферию тундрового и таежного ареалов на территории Ямало-Ненецкого (Пуровский и Надымский р-оны) и Ханты-Мансийского (Нижневартовский, Белоярский, Сургутский и Ханты-Мансийский р-оны) автономных округов. Говорят лесные ненцы на особом диалекте ненецкого языка. В отличие от тундровых ненцев, основными их занятиями были рыболовство и охота, оленеводство в основном имело транспортное значение, хотя в районе Вэнгопура и Пяку пура лесные ненцы владели достаточно крупными стадами.

В середине XX в. территория расселения лесных ненцев оказалась в районах наиболее активной промышленной разработки нефтегазовых месторождений. Однако, устойчивая ориентация лесных ненцев на занятость в традиционных отраслях хозяйственной деятельности: рыболовстве и оленеводстве, дала им возможность адаптироваться к условиям меняющейся природной среды, социальным и техногенным трансформациям и послужила базисом для сохранения этнических традиций.¹ Фольклор в их жизни продолжает играть важную роль, хотя и не сохраняется в полном объеме. Также как и у других народов, в частности, их ближайших соседей хантов (Главацкая, 1999:109) - территория расселения лесных ненцев является этноконтактной зоной, у лесных ненцев снизилась роль песенной традиции и чаще встречаются прозаические формы фольклора: сказки, былички, предания. Носителями традиционных знаний и знатоками фольклора, как правило, выступают люди старшего поколения, живущие на стойбищах и ведущие традиционный образ жизни.

В отличие от тундровых ненцев, фольклор которых изучен достаточно полно, на эту тему имеется целый ряд исследований, опубликовано достаточное количество текстов в работах Т.Лехтисало, Г.Д.Вербова, З.Н.Куприяновой, Н.М.Терещенко, Е.Т.Пушкаревой, Л.В.Хомич, А.В.Головнева, Л.А.Лара и др., фольклор лесных ненцев оказался практически не исследован. Возможно, это связано с тем, что лесные ненцы, в отличие от тундровых, долгое время находились вне поля зрения исследователей. Районы их расселения были труднодоступны, с низкой плотностью населения, кроме того письменность для лесного диалекта была создана лишь в первой половине 1990-х гг.

¹ Основные районы проживания лесных ненцев - Пуровский и Нижневартовский, являются важной базой нефтегазодобывающей промышленности.

Впервые на них обратил внимание выдающийся финский исследователь, лингвист и этнограф Матиас Александр Кастрен во время своей экспедиции в Западную Сибирь в 1845 г. Ему мы обязаны и первыми обстоятельными сведениями о лесных ненцах. Кастреном был составлен первый словарь лесного диалекта ненецкого языка, насчитывающий свыше 600 слов. Однако, впервые материалы Кастрена были опубликованы лишь сто лет спустя после его смерти, финским ученым Т. Лехтисало (Lehtisalo, 1960), который продолжил изучение языка и фольклора лесных ненцев. В 1914 г. он предпринял экспедицию по следам М.А. Кастрена к южной группе к лесных ненцев, проживавших на притоках Оби - реках Лямин, Киселевская, Сахалинская. По материалам экспедиций к тундровым и лесным ненцам Т.Лехтисало издал сборник ненецкого фольклора на немецком и ненецком языках (Lehtisalo, 1947), куда впервые вошло и несколько текстов, записанных у лесных ненцев. Долгие годы фольклором лесных ненцев никто не занимался, и записи текстов не проводилось, вплоть до конца 1980-х гг. В эти годы начинает выходить первая газета на диалекте лесных ненцев - Тиливсама. С 1988 по 1991гг. вышло 8 номеров. В 2000-х годах выходят в печати фольклорные тексты, собранные у лесных ненцев, главным образом сказки и предания (Турутина, 2003, 2004; Кошкарёва, Буркова, Шилова, 2007, Головнев 2004). Записями текстов лесных ненцев в это же время активно занимались финские исследователи Яркко Ниэми и Тапани Салминен. Однако, вплоть до настоящего времени лишь небольшая часть текстов опубликована.

В жанровом отношении состав фольклора лесных ненцев остался не изученным. Лишь в 2004 г. вышла в печати небольшая статья Эвы Тулуз «О повествовательных жанрах фольклора лесных ненцев», где автор рассматривает, как сами носители языка - «информанты толкуют (определяют)» повествовательные жанры, речь идет о шютпяпс и ва"ал (сказки и предания). Однако, судя сведениям собранным нами во время экспедиций к лесным ненцам, а также данным Т.Лехтисало, жанровой состав фольклора лесных ненцев полностью соответствуют таковым у тундровых ненцев. Исследователи выделяют у ненцев следующие жанры: Это эпические песни *сюдбабц* и *ярабц*; эпические песни с элементами историзма – *хьнабу*; предания, легенды, былички - *ва"ал*., мифы, этиологические и космогонические сказания – *лаханако*; сказки- *вадако*; шаманские песнопения – *самбдабц* (Lehtisalo, 1940: XIII-XIV; Головнев, 2004: 9-11; Пушкарёва, 2001: 23; Хомич, 1990: 217-220).

Приводимый ниже текст «Вэйни касама» (Одноногий мужчина) был записан нами во время экспедиции 2003 года в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа на стойбище Падышата дяха. Сказитель - Пяк Александр Шотлявич (1958-2012 г.), знаток ненецкого фольклора, внук, известного на Пуре «князя» Вэйсы Пяка. Текст был записан на диктофон на ненецком и русском языках. Перевод был сделан самим А.Ш. Пяком. Жанр был определен им как предание - ва"ал (ва"ал – на яз. лесных ненцев). Сюжет необычный, он повествует о том, как «появился» русский бог и почему на церкви устанавливают крест. Сюжет явно позднего происхождения, он интересен еще и тем, что лесные ненцы, в отличие от ненцев тундровых и других народов Сибири никогда не подвергались христианизации, церковью на территории их проживания – бассейн реки Пур и Аган не было.

Главные действующие лица - это Одноногий мужчина и его одноногая сестра. Их физическая ущербность выдает их необычную двойственную сущность, которая подчеркивается еще и тем, что живут они не среди людей, а в сопке, куда приносят жертвоприношения духам. В результате того, что главный герой нарушает принятые нормы поведения- хвастается своей силой, он навлекает на себя гнев верховного божества Нума, который посылает Четырехголового великана проучить Одноногого. В борьбе с Четырехголовым брат и сестра выступают равными по своей необычной силе, но победить они его не могут даже после того,

как сестра героя, разрезав великана на мелкие кусочки, семь раз перепрыгнула через него, тем самым осквернив его². После неудачи герои обращаются за помощью к русскому царю. Русские, русский царь, довольно часто фигурирует в качестве персонажей ненецкого фольклора. В данном повествовании русский царь выступает в качестве примиряющей стороны. Посланнику Нума – Четырехголовому великану, признавая его силу, он предлагает стать русским богом, на что тот и соглашается. Герои же повествования, Одноногий и его сестра, возвращаются на свою сопку, и становятся Богом дарующим удачу- *Дилимям пэртя* и Богиней, покровительницей женщин и семьи - *Дян ката* (буквально. «Земли старуха») – т. е. становятся духами – покровителями, персонажами с более высоким социальным статусом. В заключении объясняется, что поскольку Четырехголовый стал русским богом, на церкви, которая отождествляется с русским богом, устанавливают четырехконечный крест.

Таким образом, миф, как способ объяснения и понимания мира, остается актуальным и по сей день, и во многом способствует психологической адаптации этноса к меняющимся условиям современности, хотя богатейшая традиция сказительства утрачивается.

Вэйни касам (одноногий мужчина)

Жил одноногий мужик в сопке, куда жертвоприношения приносят на удачу. С ним жила сестра его, тоже одноногая. Он как будто сопку охранял наподобие бога. С одной стороны, где заходило солнце, сопка была покрыта черными шкурами, со стороны восхода солнца - белыми. По обе стороны - серые шкуры, пестрые. Там материю оставляли, ну кто что мог. Вот, в одно прекрасное время, расхвастался одноногий, сестре говорил: «Вот видишь, какой я бог! Сильнее меня вроде никого нет. Вот видишь, как меня уважают, приходят, жертвоприношения приносят мне!» Сестра говорит ему: «Зачем такие громкие слова? Вдруг кто-нибудь да услышит».

А он говорит: «Да кто меня услышит, сильнее меня никого вроде нет. Был бы кто сильнее, ко мне никто бы не приходил». В это время вдруг как будто гром ударил. Взглянул Одноногий, а в той стороне, где сопка, как будто что-то упало. Смотрит на восьми белых оленях человек едет как сопка, здоровый такой, и четыре головы у него. «Ну, - говорит - Одноногий, что это ты расхвастался. Нас сам бог Нум послал и сказал: « Слишком уж он расхвастался, проучите его».

Одноногий сестре говорит: «Ты давай к царю в город. Там меня подождешь». Тут они схватились с Четырехголовым. Бились неделю где-то, наверное. Он переборол того, Четырехголового. Связал веревками, чем под руку попадет, разрезал его и убежал. Приезжает к сестре. Сестра говорит:

² Женщина у ненцев считается существом "нечистым." В основе этого явления лежит представление о ритуальной "нечистоте" женщины, связанной в определённые моменты жизни (в период месячных очищений, родов) с хтоническим миром. Поэтому женщина не должна переступать через мужские орудия труда, садиться на мужскую нарту. Свою обувь, поскольку она связана с «женским низом», женщина может складывать только в определенное место в чуме – на женской половине и т. п. все эти представления сохраняются и в настоящее время в оленеводческой среде.

- Ты хоть живой?

- Конечно живой! Я ж тебе говорю, кто сильнее меня. Какого черта он сюда приперся?

Сестра говорит: «Ну, ты слишком-то не хвастайся. Вдруг он опять придет.»

- Да куда он придет? Я его связал, разрубил.

Только он эти слова сказал, тот опять едет. Опять схватились. Уже две недели боролись. Опять он его поборол и за сестрой поехал. Там опять расхвастался. Говорит: «Вот видишь, опять я живой. Я его разрубил». Только он эти слова сказал, смотрит, опять едет Четырехголовый живой, невредимый, да еще смеется. Говорит:

- Одноногий, иди куда хочешь, ни на небе, ни на земле дыры нет, и никуда ты не денешься. Поиграем с тобой.

Опять схватились. И на этот раз он переборол Четырехголового. Разрезал на куски и дальше поехал. К сестре приехал и говорит:

- Вот, видишь, я жив и невредим. Что он мне сделает?

Сказал он эти слова и видит опять Четырехголовый едет и говорит ему:

-Ты что, Одноногий, еще не убежал? Давай еще раз бороться, никуда не денешься».

Одноногий говорит сестре:

-Давай, уезжай, опять придется сражаться.

Сестра ему отвечает:

- Сейчас моя очередь, вроде ты без меня его не одолеешь. Лучше ты езжай к царю, там скажи.

Женщина схватилась с Четырехголовым. Две недели бились. Три недели бились. В конце третьей недели, под вечер она его переборолла. На мелкие кусочки разрезала, семь раз через него перепрыгнула и уехала к царю. К царю подъезжает и говорит: «Убила я его, все». А Одноногий еще пуще расхвастался. Говорит: «Видишь, какой я! Не зря же я говорил, что сильнее всех!». Только он эти слова сказал, вдруг откуда-то человек, ни человек, какое-то существо идет. Весь красный как кровь. Идет, смеется и говорит: « Эй, Одноногий, куда ты нас вел? Вот куда ты нас привел. Говорят у русского царя рука длинная! Сейчас посмотрим, какая у него рука длинная!»

Царь говорит: «Отправьте туда войско из солдат». Солдат отправили, а Четырехголовый только взмахнул руками – все валяются. Тогда царь говорит:

«Давайте самых злых собак на него!». Всю стаю собак выпустили. Четырехголовый только дунул, и все собаки - мертвые. Засмеялся он и говорит: «Где у русского царя рука длинная? Не вижу я чего-то! Что он на меня каких-то там отпращивает.»

Царь говорит: «Так мы его уже не переборим. Давайте роботов на него!» Роботов они на него выпустили. Бились, бились, а Четырехголовый все смеется: «Вот где настоящая игрушка. Поиграем!» Смотрят они - одна железяка там валяется, другая - там.

Царь говорит: «Я сам к нему пойду. Придется уговаривать». Царь пошел к нему и говорит: «Ну, хватит! Мы с тобой не ругались». Стал он его уговаривать. Говорит: «Будь русским богом. Не желаешь ли ты быть русским богом?» Тот говорит: «Подумаем». Сами головы между собой пошептались, говорят: «Ну, ладно. Мы согласны быть у тебя». Ну, Четырехголовый велел, чтобы Одноногого позвали, и сказал ему: «Теперь можешь идти к своей сопке и караулить ее. Как раньше жил, так и теперь живи. Больше не хвастайся. Стань Богом Дающим удачу людям, а сестра твоя будет Дян ката и станет отвечать за здоровье детей». А про Четырехголового, царь сказал: «Сделайте ему золотой дворец, ну церковь там, и его туда посадите. Пусть он там уже будет как русский бог». Вот, почему сейчас у креста 4 стороны, ну как будто четыре головы. Вот и остался он русским богом.

Список литературы

Волжанина Е.А. Лесные ненцы: Расселение и динамика численности в XX веке, современная демографическая ситуация //Археология, этнография и антропология Евразии. -2007. №2 (30). С. 143-154.

Главацкая Е.М. Ханты в составе русского государства//Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу).- Екатеринбург:Тезис, 1999.- С.67 -112

Головнев А.В.Кочевники тундры ненцы и их фольклор.-Екатеринбург:Уро РАН,2004.-344с.

Пушкарева Е.Т. «Специфика жанров фольклора ненцев и их исполнительские традиции// Фольклор ненцев.- Новосибирск: « Наука». 2001.-С. 23-49

Рассказы Варьеганских ненцев: на ненецком (лесной диалект) и русском языках/ Сост. Н.Б Кошкарева, С.И. Буркова, В.В. Шилова. –Ханты- Мансийск: Полиграфист, 2007.

Турутина П.Г. Личные песни лесных ненцев Пуровского района. Вып.1 – Тарко-Сале:Администрация Пуровского района, 2003.- 40с.

Турутина П.Г. Нешан вантлат, шотпялс: легенды и сказки лесных ненцев. На ненецком (лесной диалект) и русском языках/ Сост. В.В. Шилова.-Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003.- 108с.

Сагалаев А.М. Урало-Алтайская мифология: символ и архетип.- Новосибирск: Сиб.отд-ние «Наука»,1991.-155с.

Хомич Л.В. Ненецкий фольклор как историко-этнографический источник// Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики.- М.: НИИ культуры, 1990.- С.216-222

Элиаде М. Аспекты мифа.- М.: Академический проект; Парадигма, 2005.- 224с.

Lehtisalo T. Samojedische Volksdichtung gesammelt von M.A. Castren. Herausgegeben von T. Lehtisalo// Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 83. Helsinki, 1940, p.350

Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung gesammelt und herausgegeben von T. Lehtisalo// Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 122. Helsinki, 1947, p.615

(いーら からペーとうあ・ロシア民族学博物館)

On a Forest Nenets folktale

I.A. Karapetova

Folklore is very important for understanding the traditional worldview and is still alive in the modern culture of the indigenous peoples of the Russian North. Folk tales not only recount the sacred story, reproduce cultural values and moral norms. They seamlessly integrate present-day realia and thus define their place in the existing system of values and worldview. This can be illustrated by a Forest Nenets folktale recorded by the author in the Purovsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in 2003.